

**К вопросу о предыстории иранских сибилантов
(на материале предполагаемых иранских
заимствований в армянском и тохарском)¹**

***On the prehistory of Iranian sibilants
(based on putative Iranian loanwords
in Armenian and Tocharian)***

Буянер Д. Б.

Buyaner D. B.

В статье критически рассматривается гипотеза Райнера Липпа о свистящих аффрикатах (**ts*, **dz*) как праиранской стадии развития индоевропейских палатальных (**k*, **ǵ*, **ǵʰ*), представленных в виде чистых сибилантов (*s*, *z*) в общеиранском и денгальных (*ʒ*, *d*) в древнеперсидском. Поскольку, помимо общетеоретических рассуждений, единственным позитивным свидетельством в пользу упомянутой концепции праиранского консонантизма служат предполагаемые древнейшие заимствования из иранского в армянский (*arcat* ‘серебро’) и тохарский В (*tsain* ‘стрела’ и *tsaiññe* ‘украшение’), их объективный анализ — до сих пор отсутствующий — составляет необходимое условие адекватной оценки идеи первичных праиранских аффрикат.

Ключевые слова: индоевропейские палатальные, праиранский, армянский, тохарский, лексические заимствования, этимология

The present article offers a critical analysis of Reiner Lipp’s hypothesis, according to which the Proto-Iranian stage of the development of Indo-European palatals **k*, **ǵ* and **ǵʰ*, represented as the sibilants *s* and *z* in Common Iranian and as *ʒ* and *d* in Old Persian, should be reconstructed

¹ Выражаю глубокую признательность П. Б. Лурье и А. С. Николаеву за ценные замечания и консультации при подготовке статьи.

as affricates **ts* and **dz* respectively. Since the only positive evidence for this theory is provided by the putative earliest borrowings from Iranian into Armenian (*arcat* ‘silver’) and Tocharian B (*tsain* ‘arrow’ and *tsaiññe* ‘ornament’), an objective analysis of these loanwords is needed for an adequate valuation of the hypothesis of Proto-Iranian primary affricates.

Key words: Indo-European palatals, Proto-Iranian, Armenian, Tocharian, loanwords, etymology

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-64-86

Значимость вопроса о праиранской стадии развития индоевропейских палатальных выходит далеко за рамки иранской исторической фонологии и даже иранистики как таковой. Помимо общетеоретического интереса, он важен для стратификации и атрибуции индоиранских заимствований в финно-угорских языках, будучи, таким образом, связующим звеном между индоевропеистикой — по крайней мере, в индоиранской её части — и уралистикой. Значительная часть этих заимствований, до недавнего времени традиционно трактовавшаяся как слой ранних иранизмов, в последние годы вновь стала предметом дискуссии; их фонетический облик, скорее индоарийский, нежели иранский, заставил одних исследователей постулировать третью (вернее, с учетом нуристанской, четвёртую) ветвь индоиранской языковой семьи², а других — допустить

² Так, в частности, Е. А. Хелимский констатирует: «**Наиболее многочисленная и репрезентативная часть заимствований, обычно рассматриваемых как иранизмы в обско-угорских и пермских языках, в действительности не имеет никаких специфически иранских или раннеиранских черт...** С равным успехом их можно было бы считать индоарийскими или раннеиндоарийскими заимствованиями, если бы только такая атрибуция имела исторические права на существование» [Хелимский 1998: 69–70 = 2000: 508]. И далее: «С учетом хронологических соображений и лингвистических свидетельств **язык андроновского населения скорее следует отнести к третьей (resp. четвертой) группе индоиранских языков, исчезнувшей**

присутствие самих индоарьев в лесостепной зоне Евразии не позже середины II тыс. до н. э. [Абаев 1972; Напольских 2010: 234–235].

Существенно при этом, что В. В. Напольских весьма критически оценивает принятую в отечественной иранистике — в частности, в «Этимологическом словаре иранских языков» В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман [2000–2007] и Д. И. Эдельман [2011–2020] — реконструкцию системы праиранских рефлексов индоевропейских палатальных *ś < ар. *ś/ś̄ < и.-е. *k̄ и *z̄ < ар. *j/ž̄, *jʰ/žʰ < и.-е. *ǵ, *ǵʰ [Эдельман 1982: 41–42; 1986: 40–45; 1992: 56–57; 1994: 57–63; 2002: 21–26], отдавая предпочтение теории Р. Липпа, согласно которой для праиранского (вернее, праиранско-нуристанского) состояния следует реконструировать оппозицию неустойчивых аффрикат *č̄ (*ts̄) < ар. *č̄ < и.-е. *k̄ и *j̄ (*dz̄) < ар. *j̄, jʰ < и.-е. *ǵ, *ǵʰ [Lipp 2009: I/149, 334]³ с утратой сибилантного фокуса в древнеперсидском и дентального во всех остальных иранских языках. В рассуждениях сторонников традиционной системы, ссылающихся на отражения ир. *ś в виде ф.-у. *č̄ или *ś̄ в предполагаемых заимствованиях из праиранского в прафинноугорский, Напольских усматривает порочный круг: «...здесь имеет место своего рода *circulus in probando*: существование

еще в I тыс. до н. э., — группе, примерно равно отстоящей от иранских и от индоарийских языков» [Хелимский 1998: 71 = 2000: 509–510] (в обоих случаях выделено автором — Д. Б.) В «языке андроновского населения» Хелимский усматривает именно ту ветвь индоиранской семьи, что послужила источником ранних заимствований в обско-угорских и пермских языках.

³ Среди многочисленных технических недостатков работы Липпа уместно отметить избыточность и непоследовательность транскрипции, претендующей на точное воспроизведение тонкостей артикуляции каждой фонемы на всех уровнях реконструкции, что заведомо невозможно. В дальнейшем изложении я обозначаю глухую свистящую аффрикату в реконструкциях как *c, звонкую как *z (Липп: *č̄/*ts̄, resp. *j̄/*dz̄).

праиран[ского] *ś постулируется на базе “иранских” заимствований в П[ра]Ф[инно]У[горском], а заимствования из арийского языка с *ś в П[ра]Ф[инно]У[горском] объявляются праиранскими» [Напольских 2010: 233].

Не лишенный определенного резона, этот упрек может, однако, еще с бóльшим основанием быть обращен к Липпу. Если для приверженцев традиционной реконструкции ссылка на арийские заимствования в уральских языках — лишь один из ряда вспомогательных аргументов, отказ от которого мало что изменит, то о концепции Липпа можно без большого преувеличения сказать, что вся эта хитроумная и чрезвычайно громоздкая конструкция зиждется на принимаемой автором [Lipp 2009: I/190–191f.] интерпретации арм. *arcat* ‘серебро’ и тох. В *tsain* ‘стрела’ и *tsaiññe* ‘узор, украшение’, считающихся древнейшими заимствованиями из иранского [Kretschmer 1896: 137; de Lamberterie 1978: 245–251; Schmidt 1985: 763–764; Tremblay 2005: 678; 2005a: 424]. Как легко заметить, наличие аффрикат в праиранском, будучи условием признания этих слов иранизмами, доказывается с их же помощью — *circulus in probando* налицо.

Поэтому, не желая вдаваться в хитросплетения арийско-уральских языковых отношений, ограничусь рассмотрением предполагаемых древнейших иранизмов в армянском и тохарском, дополнив список армянским *arcwi* ‘орел’, обычно трактуемым как «армяно-арийская» [Hübischmann 1897: 424–425; Гамкрелидзе, Иванов 1984: II/539] или даже «армяно-греко-арийская» [Brugmann 1904–05: 361–362; Martirosyan 2009: 140]⁴

⁴ Гипотеза К. Бругманна основана на малоубедительном привлечении гр. *αἰγυπιός* ‘коршун’ (ср. [de Lamberterie 1978: 258–259] с исчерпывающей критикой). Помимо этого, в греческом зафиксированы два диалектных варианта древнеиранского названия «орла» — «мидийское» у Гесихия (α7358: ἄρξιφος ἄετός, παρὰ Πέρσαις, см. [Latte, Cunningham 2018: 336]) и собственно древнеперсидское у Элия Геродиана (ἄδρυφιός παρὰ Πέρσαις ὁ ἄετός, см. [Lentz 1867: I/126]). В первом случае напрашивается эмендация

изоглосса, ср. др.-инд. *ḡjīṛyá-* (эпитет *śyená-* ‘орел’ в RV IV.27.4, 38.2 и *vājīn-* ‘скакун’ в RV IV.38.7; метафорически ‘орел’ в RV II.34.4 и ‘стрела’ в VI.67.11), ав. *ərəzifīa-* название горы («Орлиная»?; Yt. V.45, XIX.2), *ərəzifīa*^o в композите *ərəzifīō.parəna-* «с орлиным оперением»⁵ (о стрелах, V.XVII.9; Yt. X.39, 101), ман. ср.-перс. ’lwf/*āluf*, пехл. ’lwh/*āluh*, н.-перс. *āluh*⁶ и т. д.

Соответствие и.-е. **ǵ* ~ арм. *с* в *arcat* ‘серебро’ и *arcwi* ‘орел’, совпадающее с регулярным отражением **ǵ* в словах, унаследованных из праармянского (ср. *cin* ‘рождение’ < и.-е. **ǵēnh*₁-*o-*; *mec* ‘большой, великий’ < и.-е. **meǵ*-*h*₂-; *gorc* ‘работа’ < и.-е. **uorǵ*-*o-* и т. д.), заставило бóльшую часть исследователей, так или иначе занимавшихся этим вопросом (от Г. Хюбшманна [1897: 424–425] до Р. Шмитта [2007: 62]), отвергнуть идею заимствования и рассматривать *arcat* и *arcwi* как исконно-армянские формы. Замечу попутно, что, приняв эту трактовку, я бы сильно упростил себе задачу, поскольку ссылка Липпа на арм. *arcat* как косвенное свидетельство

ḗrǵīfos → **ḗrǵīfos* [Bartholomae 1904: 354; Schmitt 1970: 70–71 и прим. 42], во втором — *ḗdruφiōc* → **ḗdruφiōc* [Tomaschek 1883: 199; Schmitt 1970: 71–72].

- ⁵ Хр. Бартоломэ [1904: 354] воспроизводит ошибочный вариант пехлевийского перевода ав. *išauwasca. ərəzifīō.parəna* (V.XVII.9) — *tylc* у *hlws pl/tīr-eč ya xrōs-parr* «...и стрелы с петушиными перьями», встречающийся в поздних рукописях (так, например, рукописи B1, f. 357r, l. 1; M3, f. 247r, l. 7 и др.) Соответствующий фрагмент старейших рукописей Занд-и-Видевдата L4 (f. 241r, ll. 12–13) и K1 (f. 193v, l. 16) соответствует авестийскому оригиналу: *tylc* у *’lz(y)pl/tīr-eč ya *arziif-parr*. Открытый доступ к этим и другим рукописям Авесты — на интернет-ресурсе [<https://ada.geschkult.fu-berlin.de/ada/#/>].
- ⁶ Средне- и новоперсидские формы, равно как и глосса Элия Геродиана (см. прим. 4), позволяют реконструировать др.-перс. **ardufya-* (< ар. **Harju-piā-*), подробнее см. [de Lamberterie 1978: 253–255]; ср. [Schmitt 1970] с попыткой свести персидские формы к прототипу **ḡjī-piā-* (> др.-инд. *ḡjīṛyá-*, ав. *ərəzifīa*^o).

древне- или праиранской аффрикаты *ʒ (< и.-е. *ǵ) оказалась бы лишена всяких оснований. Но справедливость требует признать, что идея раннего заимствования, подробно обоснованная Ш. де Ламбертери [1978: 245–262], выглядит убедительнее. Применительно к *arcat* в ее пользу говорит прежде всего указанное еще Кречмером⁷ обстоятельство, что в исконно-армянском слове ожидалось бы не *-t*, а *-n* в ауслауте [Kretschmer 1896: 137; de Lamberterie 1978: 245]. Что касается *arcwi*, то вероятность полного морфологического совпадения, ограниченного индоиранским и армянским, столь мала, что из общих соображений предполагаемое раннее заимствование из иранского внушает больше доверия [Benveniste 1964: 2; de Lamberterie 1978: 259]. До сих пор единственным надежным примером подобного рода считалось арм. *partēz* ‘сад’ (< др.-ир. *paridaiza-*, ср. ав. *pairi.daēza-* ‘замкнутое, огороженное пространство’) с переходом др.-ир. *d* → арм. *t*, свидетельствующим, по мнению А. Мейе, о времени заимствования до армянского передвижения согласных⁸. Странно, что никто, кажется, до сих пор не обратил внимания, что аналогичным образом

⁷ Замечание Кречмера («...armen. *arcat* ‘Silber’ <kann> mit skr. *rajatá-*, avest. *erezata-* nicht „urverwandt“ sein kann, da dann für lat. *en* = ar. *a* armen. *an* zu erwarten wäre»), демонстрирующее четкое понимание специфики армянского и его фонетических законов, тем более обращает на себя внимание, что сделано оно было за год до выхода *Armenische Grammatik* Хюбшманна, считающегося первооткрывателем самостоятельного статуса армянского внутри индоевропейской семьи.

⁸ См. [Meillet 1911–12: 250; Bolognesi 1960: 50, прим. 1]. Помимо арм. *partēz*, к тому же ряду древнейших заимствований из иранского Мейе относит топонимом *Xaltik* (= гр. *Χάλδοι* ‘халдеи, Халдея’). Возражения Х. Фогта, считавшего, что арм. *partēz* не могло быть заимствовано до армянского передвижения согласных, так как в этом случае ожидалось бы начальное *h-* [Vogt 1938: 328], были отвергнуты де Ламбертери [1978: 249–250] на том основании, что разные группы смычных могли претерпеть передвижение в разное время, и интересующее нас

можно объяснить различное отражение иранского префикса *duš-* в арм. *džox-k* ‘ад’ (← ср.-зап.-ир. **dušox*, **dušaxw* < др.-ир. **duš-ahu-*, **duž-ahu-*⁹), *džkamak* ‘гневный, враждебный’ (← ср.-з.-ир. **duškāmak* < др.-ир. **duš-kāma-*), *džwar* ‘трудный, тяжелый’ (← ср.-зап.-ир. *duš(x)wār*¹⁰ < др.-ир. **duš-ḥuāθra-*) и т. д. с одной стороны, и в *t’šnami* ‘враг’ (← др.-ир. **duš-manju-*)¹¹, *t’šwar* (← ср.-з.-ир. *dušfarr*¹² < др.-ир. **duš-farnah-*) ‘несчастный, страдающий’ с другой. Если для первой группы слов очевидна прогрессивная ассимиляция по звонкости того же типа, что в *bdeašx* ‘питиахш, маркграф’ (ср. парф. *bythš/bītaxš*), позволяющая с уверенностью отнести их к так называемому «аршакидскому» слою армянских иранизмов, то для второй можно предположить предшествующий по времени обратный процесс, то есть регрессивную ассимиляцию по глухости после выпадения безударного *-u-* в первом слоге. Придыхание же начального *t’* — объясняется точно так же, как оглушение дентального resp. аффрикаты в *partēz*, *arcat* и *arcwi*, — передвиженем согласных уже после заимствования (сюда же, разумеется, и *-t’* ← др.-ир. *-t-* в *arcat*)¹³.

слово — или группа слов — могло быть заимствовано после изменения лабиальных, но до изменения дентальных.

⁹ Н.-перс. *dōzax*, *dūzax* происходит от др.-ир. **dauž-ahu-a-*, тематизированного производного от **duž-ahu-* с полной степенью гласного в первом слоге.

¹⁰ Ср. пехл. *dwšw’l/dušwār*, *dwšhw’l/dušxwār*, ман. ср.-перс. *dwjw’r/dužwār* ‘трудный, тяжелый’.

¹¹ Бросается в глаза сходство морфологии *arcwi* и *t’šnami*, нетипичной для заимствований из среднеиранского, но легко объяснимой, если исходить из древнеиранских прототипов **arzifā-* и **dušmanju-* соответственно. Конечное армянское *-i* отражает, таким образом, древнеиранские суффиксы типа **-iV-*.

¹² Ср. ман. парф. *dwšfr/dušfarr* ‘несчастный’.

¹³ Поскольку — в силу очевидных причин, как формальных, так и семантических — арм. *arcat* ‘серебро’, как правило, рассматривается в связке с *erkat* ‘железо’, идея заимствования первого из древнеиранского источника предполагает аналогичное объяснение

Таким образом, тезису исконно-армянского происхождения *arcat* 'и *arcwi* я решительно предпочитаю идею заимствования из древнеиранского. Казалось бы, следуя этой логике, мы неминуемо должны прийти к допущению звонкой свистящей аффрикаты *ʒ в исходных формах; так, в частности, сам де Ламбертери [1978: 250] восстанавливает др.-ир. **rdzata-* или **ardzata-* (**rzata-*/**arzata-*) как источник арм. *arcat* ' , соответственно подразумевая (хотя и не называя прямо) др.-ир.

и для второго. С учетом изложенных соображений (заимствование до армянского передвижения согласных, диктуемое исходом на придыхательный) и напрашивающегося объяснения начального *e-* как протетического [Периханян 1993: 7], древнеиранская форма, послужившая источником для арм. *erkat* ' , может быть реконструирована как **rigata-* или **rugata-*. Первый вариант следует отбросить, так как корень */*raig-* < и.-е. **leig-* 'прыгать, скакать' [LIV: 405; Эдельман 2015: 51–54] в данном случае не имеет смысла. Что же касается второго, то он вполне подходит на роль метафорического обозначения 'железа', образованного от корня **raug-* < и.-е. **leug-* 'ломать, раскалывать' [LIV: 415–416; Эдельман 2020: 407–410] с формантом **-ata-* < и.-е. **-nto-* (ср. др.-перс. *zakata-* 'истекший, заверченный', н.-перс. *lagad* 'пиннок' < др.-ир. **lakata-* < и.-е. **lek-nto-* с тем же отсутствием палатализации конечной согласной корня). Поскольку названия железа в любом случае восходят к сравнительно недавней эпохе [Трубачёв 1957: 32 = Трубачёв 2004–09: I/585; idem, 2017: 138–143], изолированный характер др.-ир. **rugata-* 'железо' не должен нас смущать; будучи вытеснено в средне- и новоиранских языках производными др.-ир. **āšyan(i)ā-* (букв. 'лошадиный (металл)', подробнее см. [Буянер 2020]), это слово могло ограничить ареал своего распространения мидийским и сохраниться в виде реликта в армянском. Примером подобного локального термина может служить др.-ир. **ha-(H)raHi-uar/n-* 'согня' (при общеиранском **śata-*), сохранившееся лишь в заимствованном арм. *hariwr* 'сто' (← ср.-зап.-ир. **harēwar*) и как ἄραξ λεγόμενον в талмудическом арамейском ḥuwr/**hēwar* id. с диссимилиацией *r_г > Ø_г* (подробнее см. [Буянер TP]).

**rziḡa-/arziḡa-* для *arcwi*¹⁴. Но, если не брать в расчет экзотических объяснений, как, например, заимствование в праармянский из праарийского [Porzig 1954: 162] или, хуже того, общее армяно-арийское заимствование из хуррито-урартского [Diakonoff 1985: 602], этот вывод оказывается в вопиющем противоречии со всем, что нам известно о фонологических системах древнеперсидского и мидийского — то есть тех древнеиранских языков, чьи контакты с древнеармянским исторически достоверны.

Между тем, решение этого противоречия лежит на поверхности — а именно в плоскости собственно армянской исторической фонологии. На примере ряда «аршакидских», то есть среднезападноиранских заимствований можно наблюдать действие постепенно ослабевающего запрета на сочетание *rz* в армянском: если в некоторых «аршакидских» заимствованиях оно регулярно отражается в виде *rj*¹⁵ (ср. арм. *andarj* ‘завещание’ при пехл. *’ndlc/andarz* ‘завещание, предписание, совет’¹⁶, ман. ср.-перс., парф. *’ndrz/andarz* ‘предписание,

¹⁴ Хотя персидские формы названия орла от **ἀρδυφίδος* (Элий Геродиан) до н.-перс. *ālūh* и позволяют реконструировать параллельную древнеиранскую форму с суффиксом *-*u-* в первой части композита, как источник арм. *arcwi* она, скорее всего, исключается ввиду заимствованного груз. *arciv-i*, по-видимому сохранившего древнеармянский вокализм (до синкопы *i* в безударном слог). Впрочем, непосредственным источником грузинского слова могла послужить параллельная (более поздняя) форма *arciw*, так что окончательной ясности в этом не столь существенном вопросе достичь не удается.

¹⁵ Я привожу армянские формы согласно традиционной системе транскрипции. Фонетически *-rj-* означает сочетание плавного со звонкой свистящей аффрикатой, то есть [rʒ].

¹⁶ Пехлевийские формы, в которых сибилант *z* передается литерой /*c*/ — такие как *’ndlc/andarz*, *dlcyk/darzīk*, *mlc/marz* и др. — не свидетельствуют об аффрикатизации сибиланта на каком бы то ни было этапе развития языка, а служат лишь примером

приказ, уважение»; арм. *derzak* ‘портной’ при пехл. *dlcyk’/darzīk* ‘портной’, ман. парф. *drz-/darz-* ‘привязывать»; арм. *arjak* ‘свободный, открытый, развязанный’ при ман. парф. *hyrz- / herz-* ‘оставлять, покидать, позволять, отпускать»; арм. *hambarjumn* ‘подъем, восхождение, Вознесение’ из ср. с-з.-ир. **hambarz-* ‘поднимать(ся), восходить’, ср. будд. согд. ’*nβ’rz*^o, хр. согд. ’*mbrz* ‘визит (во дворец и т. п.), Высочайшее Присутствие’ [Benveniste 1946: 18, 78, 93] и т. д.), то другие воспроизводят исконное иранское *-rz-* без аффрикатизации: арм. *marz* ‘граница, приграничная область’ (ср. пехл. *mlc/marz*, ман. ср.-перс., парф. *mrz/marz* с тем же значением), *apaharzan* ‘развод’ (из ср. зап.-ир. **apaharzān*, корень *harz-* ‘оставлять, отпускать’, ср. ман. парф. ’*bhyrz-/aβherz-* ‘оставить, простить’), *varz* ‘палица, булава’ (из пехл. *wlz/warz* с тем же значением и метатезой *-rz- < -zr-*, ср. ав. *vazra-* ‘палица’) и т. д. Кроме того, имеются единичные случаи сосуществования обоих вариантов; так арм. *marjik* (в форме мн. ч. *marjik-k* ‘войско’ [Hübschmann 1897: 193]) — очевидный дублет *marzik* ‘солдат, воин’, связанного с глаголом *marzel* ‘учить, тренировать, муштровать’. При этом в постклассическом армянском имеется и глагол *marjel* ‘мять, тереть, массировать’, явно заимствованный из северозападно-иранского с переходом с-з.-ир. *rz* → арм. *rj* [Bolognesi 1960: 50–51]. Напрашивается предположение, что глаголы *marzel* и *marjel* также представляют собою этимологические дублеты, за первым из которых закрепилось переносное значение («мять, тереть» → «учить, тренировать, муштровать»), тогда как второй сохранил первоначальное.

псевдоисторической орфографии по аналогии с формами с пехл. /c/ < др.-ир. *j, č, перешедшими в z в позднем среднеперсидском, ср. пехл. *lwck’/rōčak*, позднее *rōzag*, *dl’c’/drāj*, позднее *drāz* и т. д. Того же рода гиперкоррекция характерна и для пехлевийских форм с z из др.-ир. *z между гласными, ср. *b’cwk’/bāzūk* ‘рука (от кисти до плеча)’ (< ир. **baHzu-*), *wclw-* (в надписях) *wc(w)lg/wazurg* ‘большой, великий’ (< др.-перс. *vaz^arka-*), *lcwl/razūr* ‘лес’ (ср. ав. *razurā-* ‘лес’) и т. д.

При этом формы с переходом с-з.-ир. *rz* → арм. *rj* следует, по-видимому, считать более архаичными, так как они отражают закономерность, отчасти аналогичную той, что характерна для исконно-армянских слов с рефлексам и и.-е. $*\acute{g}^h$: если в поствокальной позиции перед гласными, сонантами и в конце слова $*\acute{g}^h$ дает арм. *z* (арм. *dēz* ‘громада, куча, скопление’ < и.-е. $*d^hoi\acute{g}^h\acute{o}-$, *eZR* ‘край’ < и.-е. $*h_1e\acute{g}^h-$, *liz-* ‘лизать’ < и.-е. $*lei\acute{g}^h-$ и т. д.), то в анлауте и после сонантов *r*, *l* и *n* вместо простого звонкого сибиланта выступает звонкая свистящая аффриката *z* (то есть арм. *j*): *jeṛn* ‘рука’ < и.-е. $*\acute{g}^h\acute{e}srn$, *gelj-k* ‘железа’ < и.-е. $*\acute{g}^hel\acute{g}^h-$, *barjr* ‘высокий’ < и.-е. $*br\acute{g}^h\acute{u}s$, *merj* ‘подле, возле, при’ < и.-е. $*m\acute{e}\acute{g}^h\acute{s}ri$ с метатезой и т. д. [Schmitt 2007: 62–63; Martirosyan 2009: 247–248]. Логично предположить, что к моменту заимствования др.-ир. $*r\acute{z}ata-/ *ar\acute{z}ata-$ ‘серебро’ (< ир. $*Hr\acute{z}ata-/ *Har\acute{z}ata-$) и $*r\acute{z}if\acute{a}-/ *ar\acute{z}if\acute{a}-$ ‘опел’ (< ир. $*Hr\acute{z}if\acute{a}-/ *Har\acute{z}if\acute{a}-$) сибилант *z* и аффриката *z* в древнеармянском находились в состоянии дополнительной дистрибуции. Первоначальную форму заимствований можно реконструировать как $*ar\acute{z}at$ и, соответственно, $*ar\acute{z}wi$; в результате последовавшего передвижения согласных $*ar\acute{z}at$ дало *arcat*, а $*ar\acute{z}wi$ превратилось в *arwi*. Между тем дополнительная дистрибуция *z/z* оставалась в силе и затронула ранние заимствования из среднезападноиранского. По-видимому, фонологизация аллофонов произошла именно в силу нарастающей массы заимствований, поэтому в тех из них, что относятся к более позднему времени (как, например, *varz* ‘палица, булава’, не имеющее параллели в парфянском и заимствованное в армянский из ср.-перс. *wlz/warz* в сасанидскую эпоху), мы видим уже прямое отражение ср.-ир. *rz* → арм. *rz*.

Таким образом, по крайней мере один из приводимых Липпом в обоснование своей теории примеров, а именно арм. *arcat*, доказательством существования аффрикаты $*\acute{z}$ в праиранском считаться никак не может. Тем большее значение для верификации гипотезы Липпа приобретают тохарские примеры с постулируемым переходом ир. $*\acute{z}-$ → тох. В *ts-*.

Оба западнотохарских слова, *tsain* ‘стрела’ и *tsaiññe* ‘узор, украшение’, были впервые истолкованы как древнейшие иранизмы К. Т. Шмидтом [1985: 763–764]. Первое слово, за-свидетельствованное в форме множественного числа *tsainwa* и в составе производного прилагательного *tsainwašše*, а также композита *tsainyamäšeñca*, Шмидт переводит как «Bezeichnung einer Waffe»¹⁷ и выводит из постулируемого ad hoc ир. **zaina-* (ср. ав. *zaēna-* ‘оружие’). Спустя двадцать лет Трамбле внес коррективы в предложенную Шмидтом этимологию, связав тох. В *tsain* не с ав. *zaēna-*, а с *zaēnāuš* ‘перевязь, baldric’ и постулируя исходное ир. **jainu-* ‘лук’ [Tremblay 2005: 678; 2005a: 424]. Хотя эта реконструкция (кстати, отнюдь не самоочевидная) не была прокомментирована автором, вызвана она, по всей видимости, стремлением приблизить семантику предполагаемого иранского источника к значению тох. В *tsain*, которое никак не сводится к «оружию вообще» или «какому-то оружию» (как у Куврëра и Шмидта), а с несомненностью восстанавливается как «стрела» на основе скр. *išukāra-* ‘изготовитель стрел’, глоссирующего тох. В *tsainyamäšeñca* во фрагменте ТНТ-1318 [Adams 2013: 811]. Тем не менее, иранская версия происхождения западнотохарского названия «стрелы», будь то в редакции Шмидта или Трамбле, семантически неудовлетворительна, а с формальной точки зрения содержит уже упоминавшийся *circulus in probando*. Обоих этих недостатков лишена другая версия, а именно — заимствования тох. В *tsain* из раннесреднекитайского (прибл. VI–VII вв. н. э.). Китайское «стрела, вид бамбука» (совр. кит. 箭 /jiàn/) восстанавливается

¹⁷ Перевод почерпнут Шмидтом у Куврëра, (*swese tsainwäšše swäsäskau kemtsa tsainwäššai läñsa kälymiñ prutkaskau // Een regen van wapens laat ik regenen over de aarde. Met een vloed van wapens vul ik de hemelstreken* [Couvreur 1964: 245–246 и прим. 55], улучшившего ошибочное чтение частично параллельного фрагмента (46a2 = 47a6) у Зига и Зиглинга: *swäššawa swese tsainwäšše snai yarm // Ich ließ den Tränenregen (regnen) ohne Maß* [Sieg, Siegling 1949: 68, 194].

для этого периода как *tsian^h* [Pulleyblank 1991: 148] или *tsiän^C* [Schuessler 2009: 248]¹⁸. Передача китайской инициали *ts-* (> совр. кит. *j-*) западнотохарским *ts-* не единична: ср. тох. В *tsyāñk* ‘дикий рис’ или ‘бобовый соус’ из ср.-кит. 蔣 /*tsiaŋ*/ ‘дикий рис’ (> совр. кит. *jiāng*) или из ср.-кит. 醬 /*tsiaŋ^h*/ ‘густой соус, паста’ (> совр. кит. *jiàng*) [Adams 2013: 814]¹⁹. Таким образом, для возведения тох. В *tsain* к ср.-кит. 箭 /*tsian^h*/ (или позднеханьскому /*tsian^C*/ по Шюсслеру, см. прим. 18) требуется единственное допущение — метатеза *-ia-* → *-ai-*, что вряд ли может считаться серьезным препятствием для предлагаемой этимологии²⁰.

¹⁸ Более близкую к тохарской форму *tsian^C* Шюсслер датирует позднеханьским периодом (I–II вв. н. э.), что, соответственно, позволяет допустить более ранний момент заимствования.

¹⁹ Как минимум, не менее вероятной кандидатурой на роль источника тох. В *tsyāñk*, нежели ср.-кит. *tsiaŋ* ‘дикий рис’, мне представляется омонимичное 漿 ‘рисовый отвар, густой бульон, сироп’. Среднекитайские реконструкции приведены по [Pulleyblank 1991: 149, 150].

²⁰ Гипотеза Блажка и Шварца о заимствовании «стрелы», наоборот, из тохарского в китайский [Blažek, Schwarz 2017: 33] не выдерживает критики по ряду причин. Во-первых, семантический переход «вид бамбука, используемый для изготовления стрел» → «стрела» вполне логичен, тогда как обратный крайне маловероятен, что само по себе предполагает заимствование из китайского в тохарский, а не наоборот. Во-вторых, поскольку это слово зафиксировано уже в древнекитайском (фонетически реконструируется как **tsens* в [Schuessler 2009: 248], но ср. ниже), авторы вынуждены исходить из гипотетической формы тохарского А языка, в которой отразился бы переход и.-е. **ōi/*āi* > тох. А *e* (при и.-е. **ōi/*āi* > тох. В *ai*), притом что формы, которая соответствовала бы тох. В *tsain*, в тохарском А не засвидетельствовано и, по всей вероятности, никогда не существовало. При этом необходимо учитывать, что сама реконструкция др.-кит. **tsens* весьма проблематична; так, в [Baxter, Sagart 2014: 100, 277] др.-кит. «стрела»

Последний оставшийся случай предполагаемого отражения ир. *з в тохарском — *tsaiññe* ‘узор, украшение’ (якобы из ир. **zai-* с тохарским суффиксом *-ññe* [Schmidt 1985: 763f.]²¹ — можно было бы вообще не рассматривать, так как, оставшись единственным примером подобного рода, он оказывается лишен всякой убедительности, не говоря уже о доказательной силе. Но, поскольку этимология тох. В *tsaiññe* сама по себе представляет интерес, рискну предложить свой вариант. Поскольку суффикс *-ññe* в западно-тохарском образует отглагольные имена (как правило, от основ конъюнктива), путем внутренней реконструкции для тох. В *tsaiññe* можно восстановить исходную глагольную (конъюнктивную?) основу **tsay-* (< пратох. **tsāy-*), восходящую к и.-е. **d^hH-i-*: **d^heH-i-*²² ‘видеть, являться’ (ср. др.-инд. *dīdheti* ‘воспринимает, думает, размышляет’, ав. *daidiiat*, *dadāiti* ‘наблюдает’, *daēman-*, *dōiθra-* ‘глаз’, хот. *daiyā* ‘видит’), что в семантическом плане вполне приемлемо (ср. др.-рус. *узорь* от *зрети*).

восстанавливается как [*tsjen-s*, с инициалью в квадратных скобках, указывающих на гипотетичность реконструкции, а в [Zhèngzhāng Shàngfāng 2003: 441] — как *ʔslens* (этот вариант реконструкции авторами не упомянут). Наконец, ничем, кроме недоразумения, нельзя объяснить заключительной ремарки: «For the Iranian donor-language there should be a characteristic preservation of the diphthong *ai*. It could be some earlier form of Sogdian».

²¹ Липп [2009: I/191] идет еще дальше, предполагая тох. В *tsaiññe* ← ир. **dzaiñija-* (то есть **zaiñija-*).

²² Структуру корня **d^heH-i-* — на основе ав. *dadāiti* и трехсложного *daēna-* в Гатах — реконструирует Шиндлер [1972: 27]; ср. [Insler 1971: 582–584; LIV: 141–142] с реконструкцией **d^heiH-*. Тох. В *ts-* могло возникнуть в результате палатализации **d^h-* перед **-e-*, ср. тох. В *tsik-* ‘делать, строить’ < и.-е. **d^heiǵ^h-*, *tsäk-* ‘сжигать, жарить, варить’ < и.-е. **d^heg^{uh}-*.

* * *

В заключение я бы хотел подчеркнуть, что ни в коем случае не оспариваю несомненных достоинств работы Р. Липпа. Она содержит множество ценных идей — в том числе этимологических — и демонстрирует выдающуюся эрудицию автора, оперирующего колоссальным объемом лингвистического материала, что с особой яркостью проявляется во втором томе, чья тематика выходит далеко за рамки заявленной в заглавии (как, например, в главе о thorn-кластерах и в пространном отступлении о вокализации индоевропейских ларингалов). Технические недостатки книги — прежде всего неоправданные повторы (в том числе оглавления для обоих томов и, главное, стостраничной библиографии!) и ошеломляющее в трактате подобного рода и объема отсутствие какого-либо указателя — в большей степени лежат на совести издательства, нежели автора. Тем не менее, общее впечатление от труда Липпа сродни разочарованию. И не в последнюю очередь вызвано оно тем, что, полемизируя с предшественниками, от Ваккер-нагеля до Блумфилда [Lipp 2009: I/131–138], автор обходит молчаливым труды Д. И. Эдельман [1982; 1986; 1992; 1994 и др.]²³ по исторической фонологии иранских языков, основанные на привлечении обширного материала из реликтовых восточноиранских языков, зачастую сохраняющих архаизмы, отсутствующие в древнеиранских памятниках. При этом, как мы убедились, реконструкция самого Липпа, теоретически и типологически вполне допустимая, оказывается крайне уязвима при беспристрастном анализе говорящих, якобы, в ее пользу немногочисленных языковых свидетельств. Соблазну новизны и оторванных от исторической конкретики теоретических построений уместно, на мой взгляд, противопоставить толику разумного консерватизма с опорой на историческую грамматику каждого из рассматриваемых языков — что я, в меру сил, и попытался сделать.

²³ Характерно, что ни одна из этих работ даже не упомянута в библиографии.

Литература

Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // *Древний Восток и античный мир. Сборник статей, посвященный профессору В. И. Авдиеву*. Москва, 1972, 26–37.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. В 2 т. Тбилиси, 1984.

Напольских В. В. Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // Яровой Е. В. (отв. ред.) *Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова)*. Москва, 2010, 231–244.

Периханян А. Г. *Материалы к этимологическому словарю древнеармянского языка*. Часть I. Ереван, 1993.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. I — 2000. Т. II — 2003. Т. III — 2007.

Трубачёв О. Н. Славянские этимологии 1–7 // *Вопросы славянского языкознания*, 1957, 2: 29–42 [Репринт: Трубачёв 2004–2009. I, 581–598].

Трубачёв О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. Москва, 2017.

Трубачёв О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. В 4 т. Москва, 2004–2009.

Хелимский Е. А. Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы») // Николаева Т. М. (отв. ред.) *ПОЛУТРОПОН. К семидесятилетию Владимира Николаевича Топорова*. Москва, 1998, 62–72 [Репринт: Хелимский 2000, 502–510].

Хелимский Е. А. *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва, 2000.

Эдельман Д. И. К перспективам реконструкции общеиранского состояния // *Вопросы языкознания*, 1982, 1: 37–47.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология*. Москва, 1986.

Эдельман Д. И. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // *Вопросы языкознания*, 1992, 3: 44–66.

Эдельман Д. И. К предпосылкам и этапам перехода и.-е. *s в *š в языках группы сатэм // *Baltistica*, 1994, 4: 56–66.

Эдельман Д. И. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. Москва, 2002.

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. IV — 2011; V — 2015; VI — 2020.

Adams D. Q. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged*. Amsterdam, New York, 2013.

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.

Baxter W. H., Sagart L. *Old Chinese. A New Reconstruction*. New York, 2014.

Benveniste É. *Vessantara Jātaka. Texte sogdien édité, traduit et commenté*. Paris, 1946.

Benveniste É. Éléments parthes en arménien // *Révue des études arméniennes*. Nouvelle série, 1964, 1: 1–39.

Blažek V., Schwarz M. *The Early Indo-Europeans in Central Asia and China*. Innsbruck, 2017.

Bolognesi G. *Le fonti dialettali degli imprestiti iranici in armeno*. Milano, 1960.

Brugmann K. Verdunkelte Nominalkomposita des Griechischen und des Lateinischen // *Indogermanische Forschungen 1904–1905*, 17: 351–373.

Buyaner D. B. On the Etymology of the Old Iranian Term for ‘Iron’ // *zaraθuštrōtāma. Zoroastrian and Iranian Studies in Honour of Philip G. Kreyenbroek, edited by Shervin Farridnejad*. Irvin, 2020, 51–67.

Buyaner D. B. TP. *Terminologia Pahlavica. Ein Beitrag zum mittelwestiranischen Kulturlexikon*. Wiesbaden, forthcoming.

Couvreur W. Nieuwe Koetsjische fragmenten van het Araṇemijātaka // *Orientalia Gandensia*, 1964, 1: 237–249.

Diakonoff I. M. Hurro-Urartian Borrowings in Old Armenian // *Journal of the American Oriental Society*, 1985, 105 (4): 597–603.

Hübschmann H. *Altarmenische Grammatik. I. Theil. Armenische Etymologie*. Leipzig, 1897.

Inslar S. Some Problems of Indo-European *ə in Avestan // *Language*, 1971, 47 (3): 573–585.

Kretschmer P. *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*. Göttingen, 1896.

de Lamberterie Ch. Armeniaca I–VIII. Études lexicales // *Bulletin de la société de linguistique de Paris*, 1978, 73: 243–285.

Latte K., Cunningham I. C. (eds.) *Hesychii Alexandrini Lexicon*. T. I: A — Δ. Berlin, Boston, 2018.

Lentz A. (ed.) *Herodiani technici reliquiae*. 2 vols. Leipzig, 1867.

Lipp R. *Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen*. 2 Bdd. Heidelberg, 2009.

LIV — Kümmel M., Rix H. (Hrsgg.) *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*. Wiesbaden, 2001.

Martirosyan H. K. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2009.

Meillet A. Sur les mots iraniens empruntés par l'arménien // *Mémoires de la société de linguistique de Paris*, 1911–1912, 17: 242–250.

Porzig W. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebietes*. Heidelberg, 1954.

Pulleyblank E. G. *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver, 1991.

Schindler H. J. *Das Wurzelnomen im Arischen und Griechischen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Julius-Maximilian-Universität zu Würzburg*. Würzburg, 1972.

Schmidt K. T. Zu einigen der ältesten iranischen Lehnwörter im Tocharischen // Pieper U., Stickel G. (Hrsgg.) *Studia Linguistica Diachronica et Synchronica Werner Winter Sexagenario Anno MCMLXXXIII gratis animis ab eius collegis, amicis discipulisque oblata*. Berlin, New York, Amsterdam, 1985, 757–767.

Schmitt R. Der ‘Adler’ im alten Iran. Möglichkeiten und Grenzen der Erschliessung verlorenen Wortgutes // *Die Sprache*, 1970, 16: 63–77.

Schmitt R. *Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen*. Innsbruck, 2007.

Schuessler A. *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese. A Companion to Grammata Serica Recensa*. Honolulu, 2009.

Sieg E., Siegling W. *Tocharische Sprachreste. Sprache B. Die Udānālañkāra-Fragmente. Übersetzung und Glossar*. Göttingen, 1949.

Tomaschek W. Yidgha, ein beachtenswerther éranischer dialekt // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, 1883, 7: 195–210.

Tremblay X. Bildeten die iranischen Sprachen ursprünglich eine genetische Familie oder einen Sprachbund innerhalb des indo-iranischen Zweiges? (Beiträge zur vergleichenden Grammatik der iranischen Sprachen V) // Meiser G., Hackstein O. (Hrsgg.) *Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17.–23. September 2000, Halle an der Saale*. Wiesbaden, 2005, 673–688.

Tremblay X. Irano-Tocharica et Tocharo-Iranica // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 2005, 68 (3): 421–449.

Vogt H. Arménien et caucasique du sud // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 1938, 9: 321–338.

Zhèngzhāng Shàngfāng. *Shànggǔ yīnxì [Old Chinese Phonology]*. Shanghai, 2003. (In Chinese)

References

Abaev V. I. K voprosu o prarodine i drevneishikh migratsiyakh indoiranskikh narodov // *Drevnii Vostok i antichnyi mir. Sbornik statei, posvyashchennyi professoru V. I. Avdievu*. Moskva, 1972, 26–37. (In Russ.)

Adams D. Q. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged*. Amsterdam, New York, 2013.

- Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.
- Baxter W. H., Sagart L. *Old Chinese. A New Reconstruction*. New York, 2014.
- Benveniste É. Éléments parthes en arménien // *Révue des études arméniennes. Nouvelle série*, 1964, 1: 1–39.
- Benveniste É. *Vessantara Jātaka. Texte sogdien édité, traduit et commenté*. Paris, 1946.
- Blažek V., Schwarz M. *The Early Indo-Europeans in Central Asia and China*. Innsbruck, 2017.
- Bolognesi G. *Le fonti dialettali degli imprestiti iranici in armeno*. Milano, 1960.
- Brugmann K. Verdunkelte Nominalkomposita des Griechischen und des Lateinischen // *Indogermanische Forschungen 1904–1905*, 17: 351–373.
- Buyaner D. B. On the Etymology of the Old Iranian Term for ‘Iron’ // *zaraθuštrōtāma. Zoroastrian and Iranian Studies in Honour of Philip G. Kreyenbroek, edited by Shervin Farridnejad*. Irvin, 2020, 51–67.
- Buyaner D. B. TP. *Terminologia Pahlavica. Ein Beitrag zum mittelwestiranischen Kulturlexikon*. Wiesbaden, forthcoming.
- Couvreur W. Nieuwe Koetsjische fragmenten van het Araṇemijātaka // *Orientalia Gandensia*, 1964, 1: 237–249.
- de Lamberterie Ch. Armeniaca I–VIII. Études lexicales // *Bulletin de la société de linguistique de Paris*, 1978, 73: 243–285.
- Diakonoff I.M. Hurro-Urartian Borrowings in Old Armenian // *Journal of the American Oriental Society*, 1985, 105 (4): 597–603.
- Edel’man D. I. Eshche raz ob etapakh filiatsii ariiskoi yazykovoi obshchnosti // *Voprosy yazykoznaniya*, 1992, 3: 44–66. (In Russ.)
- Edel’man D. I. *Etimologicheskii slovar’ iranskikh yazykov*. Moskva. T. IV — 2011; V — 2015; VI — 2020. (In Russ.)
- Edel’man D. I. *Iranskie i slavyanskie yazyki. Istoricheskie otnosheniya*. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Edel’man D. I. K perspektivam rekonstruktsii obshcheiran-skogo sostoyaniya // *Voprosy yazykoznaniya*, 1982, 1: 37–47. (In Russ.)

Edel'man D. I. K predposylkam i etapam perekhoda i.-e. *s v *š v yazykakh gruppy satem // *Baltistica*, 1994, 4: 56–66. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Fonologiya*. Moskva, 1986.

Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropeskii yazyk i indoevropetsy*. V 2 t. Tbilisi, 1984. (In Russ.)

Hübschmann H. *Altarmenische Grammatik. I. Theil. Armenische Etymologie*. Leipzig, 1897.

Insler S. Some Problems of Indo-European *ə in Avestan // *Language*, 1971, 47 (3): 573–585.

Khelimskii E. A. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i*. Moskva, 2000. (In Russ.)

Khelimskii E. A. Yuzhnye sosedi finno-ugrov: irantsy ili ischeznuvshaya vetv' ariev («arii-andronovtsy»)? // Nikolaeva T. M. (otv. red.) *ПОЛΥΤΡΟΠΟΝ. K semidesyatiletyu Vladimira Nikolaevicha Toporova*. Moskva, 1998, 62–72 [Reprint: Khelimskii 2000, 502–510]. (In Russ.)

Kretschmer P. *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*. Göttingen, 1896.

Latte K., Cunningham I. C. (eds.) *Hesychii Alexandrini Lexicon*. T. I: Α – Δ. Berlin, Boston, 2018.

Lentz A. (ed.) *Herodiani technici reliquiae*. 2 vols. Leipzig, 1867.

Lipp R. *Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen*. 2 Bdd. Heidelberg, 2009.

LIV — Kümmel M., Rix H. (Hrsgg.) *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*. Wiesbaden, 2001.

Martirosyan H. K. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2009.

Meillet A. Sur les mots iraniens empruntés par l'arménien // *Mémoires de la société de linguistique de Paris*, 1911–1912, 17: 242–250.

Napol'skikh V. V. Ural'sko-ariiskie vzaimootnosheniya: istoriya issledovaniy, novye resheniya i problemy // Yarovoi E. V. (otv. red.)

Indoeuropeiskaya istoriya v svete novykh issledovaniy (Sbornik trudov konferentsii pamyati professora V. A. Safronova). Moskva, 2010, 231–244. (In Russ.)

Perikhanyan A. G. *Materialy k etimologicheskomu slovaryu drevnearmyanskogo yazyka*. Chast' I. Erevan, 1993. (In Russ.)

Porzig W. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebietes*. Heidelberg, 1954.

Pulleyblank E. G. *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver, 1991.

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Moskva. T. I — 2000. T. II — 2003. T. III — 2007. (In Russ.)

Schindler H. J. *Das Wurzelnomen im Arischen und Griechischen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Julius-Maximilian-Universität zu Würzburg*. Würzburg, 1972.

Schmidt K. T. Zu einigen der ältesten iranischen Lehnwörter im Tocharischen // Pieper U., Stickel G. (Hrsgg.) *Studia Linguistica Diachronica et Synchronica Werner Winter Sexagenario Anno MCMLXXXIII gratis animis ab eius collegis, amicis discipulisque oblata*. Berlin, New York, Amsterdam, 1985, 757–767.

Schmitt R. Der 'Adler' im alten Iran. Möglichkeiten und Grenzen der Erschliessung verlorenen Wortgutes // *Die Sprache*, 1970, 16: 63–77.

Schmitt R. *Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen*. Innsbruck, 2007.

Schuessler A. *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese. A Companion to Grammata Serica Recensa*. Honolulu, 2009.

Sieg E., Siegling W. *Tocharische Sprachreste. Sprache B. Die Udānālānkāra-Fragmente. Übersetzung und Glossar*. Göttingen, 1949.

Tomaschek W. Yidgha, ein beachtenswerther éranischer dialekt // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, 1883, 7: 195–210.

Tremblay X. Bildeten die iranischen Sprachen ursprünglich eine genetische Familie oder einen Sprachbund innerhalb des indo-iranischen Zweiges? (Beiträge zur vergleichenden Grammatik der iranischen Sprachen V) // Meiser G., Hackstein O. (Hrsgg.) *Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17.–23. September 2000, Halle an der Saale*. Wiesbaden, 2005, 673–688.

Tremblay X. Irano-Tocharica et Tocharo-Iranica // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 2005, 68 (3): 421–449.

Trubachjov O. N. *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya*. Moskva, 2017. (In Russ.)

Trubachjov O. N. Slavyanskije etimologii 1–7 // *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*, 1957, 2: 29–42 [Reprint: Trubachjov 2004–2009. I, 581–598]. (In Russ.)

Trubachjov O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura*. V 4 t. Moskva, 2004–2009. (In Russ.)

Vogt H. Arménien et caucasique du sud // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 1938, 9: 321–338.

Zhèngzhāng Shàngfāng. *Shàngǔ yīnxì [Old Chinese Phonology]*. Shanghai, 2003. (In Chinese)

Буянер Давид Борисович
Институт иранистики, Берлин
Берлин, Германия
Buyaner David Borisovich
Institut für Iranistik FU Berlin
Berlin, Deutschland
buyaner@zedat.fu-berlin.de